

Иван ЕФРЕМОВ

ПЯТЬ КАРТИН

фантастический рассказ

Посвящение художнику А.К.СОКОЛОВУ

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

2020

Крес – оператор головной антарктической станции ППВ – склонился над графиком, когда голос друга позвал его из глубины экрана. Обрадованный и немного ошеломленный внезапностью, он всматривался в лицо школьного товарища. Такой же – и не такой... Они всегда в чем-то изменяются, возвращаясь из далей космоса. Это не штрихи резца времени, неизбежно оттеняющие лица оседлых жителей Земли.

Что-то как бы оттиснутое на самой сущности человека, отчего иначе складывается улыбка и смотрят глаза.

– Не ждал тебя так скоро. Всего два дня, как показывали ваше прибытие. Почему вы сели на старинный космодром Байконур вместо Эль-Хомры?

– Расскажу после. Меня включили на четыре минуты – узнать шифр твоего гостевого канала.

Крес назвал необходимые цифры и добавил:

– Мы можем увидеться сегодня же в двадцать часов по среднепланетному Восточного полушария. Подошла моя очередь посмотреть пять картин, а ты их тоже не видел. Мне откроют гостевой канал, хоть это и совпало с дежурством в направляющей башне. Кстати, увидишь еще двух старых друзей. Я пригласил нашего Алька – он так и остался художником. И еще будет Та...

– Она уже вернулась с Пяти Темных Звезд? И ты все еще продолжаешь называть ее по-школьному? А где же Не Та?

– И ее увидишь, потому что она, ее группа, нашла пять картин. Она даст объяснения на выставке в Совете звездоплавания.

Скупые отмеренные минуты истекли. Крес вернулся к графику транспортировки. Громадность задачи не смущала его, участвовавшего в затоплении пустынь Калахари и Намиб в Южной Африке. Теперь предстояло перебросить целое море пресной воды на материк Австралии. Там сотни лет назад нерасчетливое орошение пустынь подземными водами привело к массовому засолению почв, а недра материка могли дать лишь сильно минерализованный кипяток.

Опреснение морской воды не составляло проблемы, но ядовитая дистиллированная вода должна была подвергаться сложной химической обработке. Давно стало известно, как много веществ, хоть и в самых ничтожных количествах, было растворено в сложной структуре воды – минерала, когда-то считавшегося самым простым. Без этих веществ вода не могла служить жизни, а колоссальные ее количества, нужные для орошения целого материка, требовали

столько труда, что не оправдывались ни земледелием, ни скотоводством Австралии.

Как всегда, выход из тупика нашелся раньше, чем думали, и в неожиданном направлении. Изобрели способ переноса водяных молекул в потоках заряженных частиц. Создавалось нечто вроде ураганного ветра, поднимавшегося исполинской дугой в стратосферу и переносившего любые количества воды. А здесь, на ледяном щите антарктического материка, небольшая термоядерная станция давала кубические километры пресной воды.

Совет экономики планеты торжествовал, что отказался в свое время от проекта растопления антарктических льдов и повышения уровня океанов. Незачем было мешать пресную воду с соленой, когда теперь стало возможным излить любое ее количество в любую точку планеты. После промывки засоленной почвы Австралии предстояло затопление Сахары, промывка Большой Соляной пустыни Ирана, создание пресноводных озер-морей в Центральной Азии.

Крес соединился со станцией, запрятанной глубоко в толще льда. Все было готово для создания заряженного потока. Непередаваемо низкое гудение излучателей затрудняло разговор даже в хорошо изолированном помещении главного пульта. Крес включил сигналы предупреждения.

Через пятнадцать минут полоса атмосферы между Антарктикой и Австралией в две тысячи километров шириной станет опасной для самолетов на высоте теплой зоны стратосферы. Западная часть австралийского материка, и без того обезлюдившая, была эвакуирована несколько дней назад.

Крес еще раз проверил настройку и вошел в крохотную кабинку, молниеносно взвившуюся на 1600-метровую башню наблюдения. Некогда люди старались упрятать все наиболее важное под землю – отголосок эпох опасностей и войн. Теперь большинство наблюдательных и управленческих постов находилось на высоких башнях. Считалось, что человек, вознесенный над землей, лучше чувствует себя и как бы стягивается в узел напряжения и внимания.

Комната на башне раскачивалась, но не дрожала под нескончаемым ветром Антарктики. Гасители вибраций надежно охраняли человека и его приборы. Крес удобно уселся, окинув взглядом четыре больших экрана. В двух крайних виднелись похожие на медленно качавшиеся цветы направляющие башни на островах Макуори и Принца Эдуарда. Их отделяло от Креса больше четырех тысяч километров. Кривизна земной поверхности не позволяла на таком расстоянии увидеть даже высочайшую гору мира –

Джомолунгму, но сеть спутников-реле, вращавшихся синхронно с планетой, обеспечивала любую дальность телепередач.

Долгий вибрирующий сигнал, и башня все же вздрогнула. Крес всем существом почувствовал, как ураганный поток воздуха понесся над голубым озером растопленного льда, подхватывая воду и взмывая вверх с нарастающей скоростью.

Через несколько минут животворный ливень обрушится на пустыни Западной Австралии. Одна за другой башни сообщали о прохождении потока. Макуори, Тасмания, Балларат, Мосгрейв... Замыкающая башня на Гранитах докладывает о разрядке потока. Непрерывный каскад льет с неба над половиной материка. Лишь в конце дежурства можно будет снизить интенсивность наполовину, меньше нельзя. Еще не достигнута возможность работы на любом режиме.

Крес оглядел ленты графиков, медленно проползавшие в окошечках приборов. Мелодично и ритмически пели охранители-автоматы. Все хорошо! И оператор переключил боковые экраны на свой личный канал. Ровно в двадцать часов его приветствовали возникшие на экранах друзья.

Только что вернувшийся звездолетчик Ниокан, художник Алк со своей ласковой и беспомощной повадкой удивленного ребенка. Круглолицая Та с контрастом смешливо приподнятых уголков губ и тревожно сосредоточенных глаз. Едва успели они рассмотреть друг друга и обменяться несколькими словами, как на четвертом экране появилась Не Та. Она стояла в круглом помещении под сверкавшим тысячегранником многоканального приемника ТВФ. Это была запись, сделанная около двух месяцев тому назад, и Не Та, конечно, не могла увидеть своих друзей. Она не изменилась. Может быть, стали немного резче ее аскетические черты и ярче горящие глаза библейской пророчицы.

Исследовательница древнего искусства не скрывала своего счастья. Действительно, найти среди миллиардов произведений живописи, накопившихся за столетия всеобщего мира на планете, когда ничто не могло разрушить творения искусства, нужные картины было исключительной удачей.

В прошлом искусство сильно отставало от жизни. Было поразительно, с каким упорством художники на пороге выхода людей в космос продолжали писать свои ландшафты и натюрморты или забавлялись пустяковыми открытиями в перспективе или игре цветов, которые временами достигали полного отрицания содержания и формы. Годы поисков не помогли найти даже одной-

единственной космической картины, написанной по канонам того времени – на холсте, прочными минеральными красками на масляной основе.

Было известно множество черно-белых графических изображений, служивших иллюстрациями древних книг о будущем, которые считались второсортной беллетристикой и печатались на самой скверной бумаге, не позволявшей давать хорошие репродукции и рассыпавшейся в прах через тридцать лет. Только обложки этих дешевых книг печатались в красках, и для них создавались цветные иллюстрации – видимо, единственный вид спроса на фантазии о далеких мирах.

Ни музеи, ни специальные художественные издания не занимались подобными картинами, очевидно, весьма низко оценивая этот круг человеческих мечтаний. Это было тем более поразительно, что как раз в этот период истории художники создали колоссальное количество нелепых произведений. Орнаментальное искусство, соответственно распространившимся психосдвигам, вдруг стало расцениваться как выражение глубочайших идей под названием абстрактной живописи или скульптуры. В подобную же форму облекалось множество подделок под искусство, ибо в те времена жило множество людей с плохо развитым вкусом, но гнавшихся за так называемой модой, то есть массовыми увлечениями в музыке, одежде, искусстве и даже облике человека.

Не сразу было понято, что дробление и искажение формы, перспективы и цветопереходов представляют собою закономерное в шизоидной психике стремление к извращению окружающей реальности. За это время миллионы нелепейших картин и чудовищных скульптур, больше похожих на обломки утилитарных деталей, заполнили музеи наравне с произведениями противоположных направлений – ничем не прошибаемого натуралистического плана. Среди них потонули картины и скульптуры подлинных художников, искателей новых выражений человеческого духа в наступающую новую историческую эру.

Наконец, перебирая микрофильмы старых альбомов, исследователи нашли художника, специально посвятившего себя космосу.

Эксперты разошлись во мнениях относительно его имени. Некоторые думали, что это был «сокол» – русское название хищной птицы. Другие основывали имя на другом русском слове – «сок», означавшем жидкость из растений или плодов.

Не Та упорно продолжала поиски, и так были найдены пять картин.

Находка вызвала живейший интерес – был найден единственный русский художник космоса, творивший в самом начале космической эры.

Ему дали нежное прозвище «Сокол Русский», и планета смотрела теперь на цветные электронные репродукции пяти картин.

Сопровожденные объяснениями Не Той пять картин, явились на экран во всем блеске своих красок.

На первой картине белый след быстро несущегося звездолета прорезал угрожающе фиолетовое, исчерченное пурпуром небо планеты Венеры. Бледные зелено-голубые огни электрических бурь неистовствовали над фиолетовым океаном.

Вторая и третья картины изображали различные аспекты планеты двойной звезды – красного гиганта и голубого карлика.

Резкие колебания температуры делали невозможной жизнь земного типа, но она тем не менее существовала в виде кремневых кристаллов. Одна картина показывала красное солнце, другая – голубое и дисковидный звездолет с Земли, проникший в мир двойного солнца и кристаллической жизни.

Четвертая картина была посвящена первой встрече земных людей и мыслящих существ другого мира.

Художник не попытался изобразить эти существа, вероятно, потому что тогда господствовали взгляды о множественности форм мыслящей материи. Он написал встречу с творением инопланетной цивилизации – гигантским электронным мозгом, управляющим работой автоматических устройств планеты.

Пятая, и последняя, картина изображала автоматическую станцию, заброшенную на пробу атмосферы Сатурна, на кольцо планеты среди осколков скал – остатков спутников, разорванных ее притяжением.

Медленная череда древних картин повторилась еще раз. Затем экран показал отдельные детали живописи и угас, предоставив зрителям по-своему пережить встречу с картинами русского художника.

– Что поразило меня больше всего – это буйство воображения! – воскликнула Та. – Ведь они еще ничего на могли видеть в космосе, исключая своей собственной планеты, конечно, да еще Луны. Но смотрите, как многое здесь передано верно. Какое вдохновение мог получить этот землянин, который не был никогда на других планетах,

и он мог написать на картине то, что реально люди увидели лишь сотни лет спустя!

– Я также удивлен, – присоединился Альк. – Особенно когда я понял, что это было тогда, когда человек уже потерял свое первобытное чувство восприятия... И в то же время еще не достиг синтеза эмоций и интеллекта.

– Но я могу понять, – возразил Крес. – Человеческий мозг, отражая необъятные просторы космоса, инстинктивно схватывал его законы, воспроизводя их в изобразительном искусстве. Вот и вышло, что художник предугадал изумрудные оттенки дисперсного сияния ледяных просторов Сатурна, так же как лиловое небо Венеры и ее электрические бури.

– Научная фантастика того времени показала еще более поразительную способность видеть то, что еще не видели тогда, – задумчиво заметил Ниокан.

– И все же ни одна из пяти картин не передает ощущения первой высадки на неизвестную планету. Я подразумеваю восторг ожидания плюс тревогу возможной опасности, вероятность ужасного разочарования.

– Особенно если ожидаете встречу с разумной жизнью, – вмешалась Та.

– О да, когда вам мерещатся строения и мосты в горах и оврагах или каналы и поля на равнинах. И чем ближе вы подходите, тем яснее становится, что эти дела рук человеческих – иллюзия, игра перенапряженного воображения.

– Или вспомните особенные, странные планеты, на которых даже облака кажутся угрожающе нацеленными на вас копьями. Плотный туман вьется гигантским драконом и смотрит на вас упорно и слепо, скрывая под собой мрачные, зловеще выглядевшие горы. – И Та опустила голову, как бы вспомнив темные планеты, впечатления от которых еще не стерла сияющая, прекрасная Земля.

– Главное все же, – заметил Ниокан, – это общее чувство бесконечности космоса тут, рядом, за порогом нашего земного дома.

– Действительно, нет предела нашему желанию исследовать его бездны, ни границ этого исследования. «Разнообразие Вселенной неисчерпаемо!» – спокойно заметил Крес.

Его три друга ответили жестом согласия.

– Очевидно, наши предки в начале Космической эры еще не развили то очень реальное восприятие невероятного, которое простирается повсюду в необъятных просторах Вселенной, – начал

Ниокан, – даже у нас оно подавляет слабовольных, причиняя агорафобию.

– Я не думаю, – возразила Та. – Вспомните наших пещерных предков, которые смотрели на бесконечную непознанную планету, в которой исчезали и растворялись индивидуальные жизни. Где тогда была для них граница мира? Лишь тысячелетия позднее древние греки изобрели их, заключили в них свой мир и определили тем самым его познаваемость...

Последние слова потонули в громовом эхе резкого звука.

– До свидания, друзья! – закричал Крес, выключая гостевой канал.

Башня задрожала, а на боковых экранах возникли озабоченные лица тасманского и кергуэленского операторов.

– Внезапный ураган? – поспешно предположил Крес.

– Да, на высоте около пяти километров, – ответил тасманец.

– Отлично! «Это не нарушит режим операции», – удовлетворенно сказал Крес.

– Надо снять жесткость башен. – И тасманец закрепил свои предохранительные лямки.

Крес повторил его действия и нажал на большой красный рычаг.

Вибрация прекратилась.

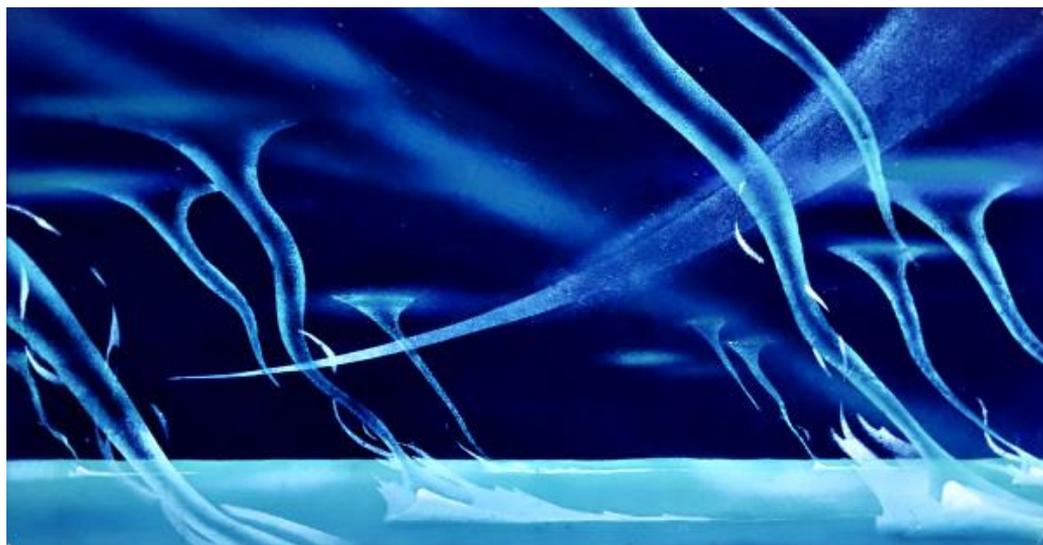
Подобно спелому колосу ржи, башня нагнулась, припадая к земле, качаясь упруго надо льдами, смутно белевшими сквозь мглу бури. Оператор приспособил свое сиденье к наклону башни. На неукротенной ледяной шапке Антарктики такие внезапные бури продолжались недолго.

Крес усилил подачу направляющего тока и терпеливо ждал окончания бури, стараясь представить себе людей прошлого, первыми проложивших дороги в космическое пространство, и тех первых строителей общества, которые начали предвидеть и покорять до этого неустойчивую и неопределенную судьбу человечества Земли.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А.К.СОКОЛОВ в мастерской

...На первой картине белый след быстро несущегося звездолета прорезал угрожающе фиолетовое, исчерченное пурпуром небо планеты Венеры. Бледные зелено-голубые огни электрических бурь неистовствовали над фиолетовым океаном.

...Резкие колебания температуры делали невозможной жизнь земного типа, но она тем не менее существовала в виде кремневых кристаллов.

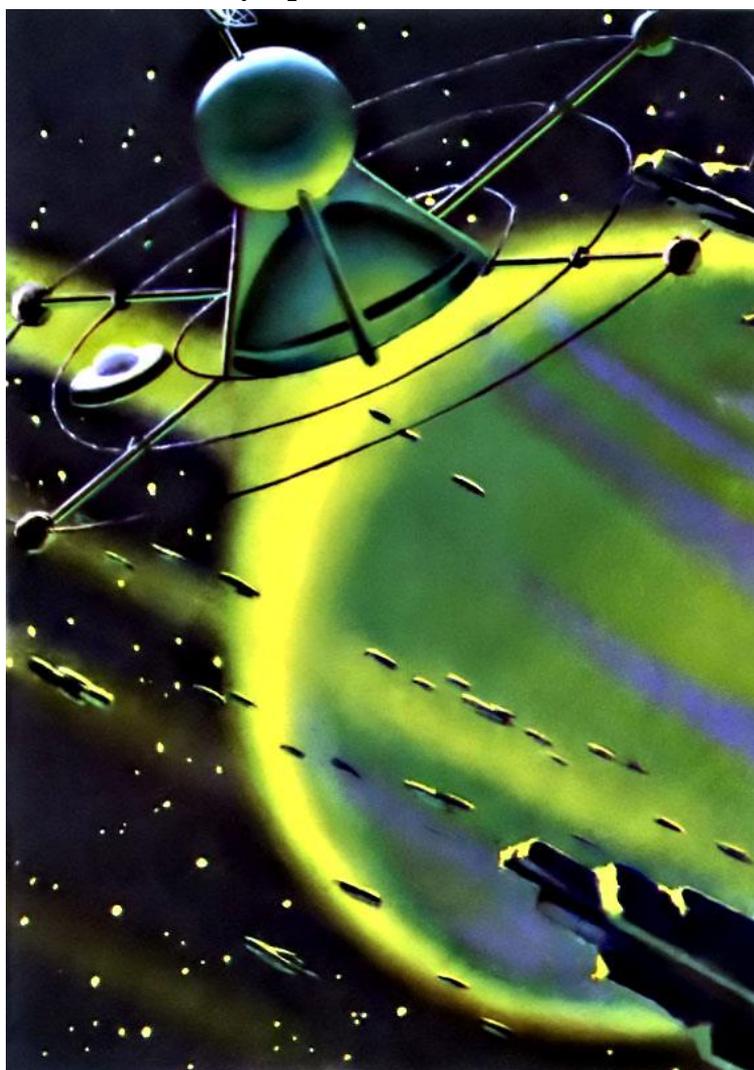

...Одна картина показывала красное солнце, другая – голубое и дисковидный звездолет с Земли, проникший в мир двойного солнца и кристаллической жизни.

...Четвертая картина была посвящена первой встрече земных людей и мыслящих существ другого мира.

Художник не попытался изобразить эти существа, вероятно, потому что тогда господствовали взгляды о множественности форм мыслящей материи. Он написал встречу с творением инопланетной цивилизации – гигантским электронным мозгом, управляющим работой автоматических устройств планеты.

...Пятая, и последняя, картина изображала автоматическую станцию, заброшенную на пробу атмосферы Сатурна, на кольцо планеты среди осколков скал – остатков спутников, разорванных ее притяжением.

Моё маленькое «видение» рассказа И.А.ЕФРЕМОВА

**Иллюстрированное картинами художника
А.К.СОКОЛОВА**

Работа с текстом и иллюстрациями **by formally**

